

Торопитесь сказать – никому не подарят отсрочки

ПОЭЗИЯ

Митур Адошин

* * *

Вертикальная машина
бесконечного дождя.
У окна стоят мужчины,
рюмки полные держа.
Так проходит слава мира.
Так становится листвой
прозвеневший среди пира,
изумлённый голос твой.
Мы зажгли когда-то солнце –
нет вины, что вышел век...
Жмётся к нашему отцовству
жизни прожитой ковчег.
Горько, страстно, равнодушно,
отлюбив, целует в лоб
исчезающую сушу –
новой жаждущий Потоп.

Толстой

Старец звал себя Лёв на старинный манер,
ставя в жизни все точки над «ё».
Выходил босиком не на галльский пленэр –
на российское наше жнивье.

Он считал, что поэзия вроде конфет –
а важней для избы пироги.
И за то, что помещик хороший был Фет,
Лёв стачал для него сапоги.

Жить стихом, говорил, как вприсядку пахать –
неприлично серьёзной судьбе.
И Шекспиру сего не простил он греха,
и не взял его в братья к себе.

Как большую купюру, проверил на свет
ловким мастером сделанный мир –
и, отбросив фальшивку, ушёл, как Поэт,
и погиб, как шекспировский Лир.

Клетка плоти для львиной повадки тесна:
«Насмотрелся я в вашем плену!»
Вышел в небо – а в небе не мир, но война...
И вздохнул, и пошёл на войну.

* * *

Основа жизни – мера:
сегодня пить и петь,
а завтра скуке серой
нести себя под плеть.

Не перепутать плаху
и брачную кровать:
на похоронах – плакать,
на свадьбах – ликовать,

Быть с нищенкой смиренным,
и гордым – с богачом,
чванливых – гнать коленом,
простых – держать плечом.

Не перебрать веселья
в рыдающем миру,
чтоб не было похмелья
потом в чужом пиру.

Не отдаваться страсти
в бездольные рабы,
на свете быть во власти
лишь Правды и Судьбы.

Не врать себе, что смертен:
взломав грудную клетку,
на воле станет сердце
вновь верить, плакать, петь.

Мир, как свою галеру,
простя, благослови,
храня златую меру
терпенья и любви.

76

* * *

Смотрю чужие фильмы: жуки и астронавты,
маньяки и лихие красавцы-опера;
смотрю чужие фильмы и думаю про завтра:
а что же будет завтра – неужто как вчера?!

А что же будет завтра – никто из нас не знает,
а власть и знать не хочет на белой полосе.
В какую только дырку Отчизна не швыряет –
глядишь, а уцелели, хоть на надгробье, все.

Гляди, как пел Есенин, смотри, как пел Высоцкий –
они любили Волю, да где же её взять?
И утопили в водке единственный высокий
свой голос непомерный, которому – Нельзя.

Россия тонет в водке, в морфине, в героине,
Россию топят в фильмах чужие опера,
и, подмигнув с экрана, красотка героиня
мне говорит: сегодня лучше, чем вчера!

В Моей Стране чужие жуки и астронавты
для нас, уже готовых, строят лагеря...
Огнём рекламы манит красивая неправда,
трёхцветными флажками машут егеря.

* * *

Срок приходит, как тать,
Божьим бесом в ребро
не в буфете считать –
в бороде серебро.

Это вишенный сад
познают топоры,
это Ева назад
возвращает дары.

И ломает не кость –
не задавшийся мир
старость – каменный гость,
заявившись на пир.

Райских речек вода
убралась в серебро...
Улетела звезда,
отворивши ребро.

* * *

Автомобильные покрышки
с чуть зеленеющей травой.
берёз предродовые вспышки
над головою.

Забор цветёт голубизною
пока ещё сильнее неба.
Ещё не знающая зноя,
потягивается сладко Геба.

Вид сквозь больничную решётку
игрушечно почти прелестен,
как кем-то зиждущим решённый
на исчисленьи снов и песен.

Всё крепче прорастает в Завтра
ещё туманное «когда-то»,
и на стене так розовата
граница тени и заката!

Весны подвыпившие пятна
обнявшего тень-и-света
хохочут громко и невнятно,
выбалтывая тайну лета.

* * *

И Гленна тоже взяла вода –
а там Василий и Антуан!*
«Сыграем джаз?» – отвечают: «Да!»,
и через реки далёких стран,

через моря и проливы вдаль,
то эскадрилья, то эскадрон
несут, как знамя, любовь-печаль:
пропеллер, шашка и саксофон.

Так не бывает, чтоб умереть –
к нам не относится слово «труп»:
любую жесть заставляет петь
живой флейтист водосточных труб!

Душа взыскует Живой Воды
во льдах; но краника поворот –
и бурным свингом ночной звезды
рыдает гений-водопровод!

* * *

Два телефона на окне
вибрацией толкались:
звонили то тебе, то мне –
но мы не просыпались.

Звонили то она, то он,
затерянные в мире –
но был глубок наш общий сон
в затерянной квартире.

И снилось нам, что на окне
два телефона бьются
друг с другом, и к тебе, ко мне,
и падают, как блюдца.

И кто-то встанет и возьмёт
рыдающую трубку...
...И сон уже трещал, как лёд,
под телом жизни хрупко.

* Гленн Миллер погиб в воде, как и Чапаев, и Экзюпери...

* * *

Отпраздновал вчера я именины.
Никто моих не ведал именин.
И, не считая старой мышки Нины,
я праздновал вчера совсем один.

Мы съели с Ниной полукружье сыра,
запив водопроводною водой,
и, загрузив о неустройстве мира,
главы склонили – лысую к седой.

Я Тимофей. Мои стихи известны.
В упряжке лайки читателей резвы.
Но слава так же мне неинтересна,
как Бонапарту – чучело Москвы.

Всё муляжи. Подмены из резины.
Как если б вместо шёрсточной тебя
писишную пластмассовую Зину
я сыром пичкал, искренне любя.

Пью не вино – одни сплошные вины.
Никто моих не знает именин.
Ни ангела, ни старой мышки Нины...
«Ты царь: живи один». Живу один.

* * *

Ту, что на площади Любви
сгорела дочерна, –
распутницей не назови:
Распутица она.

Она распутье трёх дорог:
одну приветит твердь,
другая лбом уткнёт в Порог,
у третьей финиш – смерть.

Увязнет конь по стремяна
в скончании времён...
На всех дорогах ждёт Она,
на всех дорогах – Он.

И сладко, что возврата нет,
и отзыва не жди,
и та же площадь, тот же Свет
чернеют впереди.

* * *

Ты в ленточках. Вы из кино.
В глазах ещё экран летает,
и на второе эскимо
непоправимо не хватает.

Ещё блестят в твоих зрачках
машины, смокинги, коктейли...
И сумка старая в руках
уже терпима еле-еле.

Ах, кто б сказал тебе, что здесь,
в твоём немногoletьи бедном
такая Тайна счастья есть!
Такая, что за нею следом

ты временем, как вброд водой,
пойдёшь в другом тысячелетьи,
когда покажутся бедой
экрана сбывшиеся сети.

* * *

Стройный, мускулистый, загорелый, –
плотник, не начётчик-шарлатан! –
навсегда прощаясь с прежним телом,
сын Марии входит в Иордан.

В таинство великое Крещения,
в крестный путь вступает Божий Сын,
чтоб Земли постылое вращенье
развернуть страшнее, чем Навин.

Чтоб, взломавши огненные двери,
прорубивши баррикады льда,
человека, молвившего: «Верю!»,
выкупить у смерти навсегда.

...Из жары Израилевой Голубь
вновь слетит в российские снега...
Не в Европу дырку – ладим прорубь
в Божий край, небесные луга,

чтоб сквозь пелену метели белой
увидать, как сходит со звезды –
стройный, мускулистый, загорелый,
в капельках ликующей воды!

* * *

Горько помнить всех тех, кто шагнул с недописанной строчки –
для поэтов у смерти всегда день открытых дверей...
Торопитесь сказать – никому не подарят отсрочки,
торопитесь для тех, кто ответственной нас и добрей.

Только им не дано разрешиться от муки глаголом:
их работа – держать эту землю и наши листы...
Насаждайте деревья в пространстве холодном и голом,
чтоб, обнявшись с Комбатом, спокойно промолвить: «Чисты».

Литература и псевдолитература, писатель и имитатор

Александр Кабаков

Анкета

1. Как простому человеку не заблудиться в дебрях псевдолитературы?

Не надо читать то, что читать модно.

2. Приходилось ли иметь дело с явными имитаторами, преуспевающими в литературной среде?

Что значит «иметь дело»? Я не бизнесмен, у меня дел нету. Знаком с некоторыми шапочно. Мне с ними не интересно.

3. Надо ли бороться с фальшивомонетчиками от литературы?

Бороться – не дело писателя. Я ни с чем и ни с кем не борюсь. Я просто пишу.

4. Есть Литинститут, журнал «Литучёба», существует множество литературных объединений, мастерских... Можно ли человека, мечтающего о стезе литератора, научить писать настоящие стихи, рассказы, романы?..

Научить кое-чему можно только человека, имеющего дар от Бога – указать на ошибки, связанные с недостатком опыта или образования. Это делают хорошие редакторы, мастера литературы, «Литучёба»... Но помогает это только талантливым.

Александр Кабаков – прозаик, публицист. Лауреат Большой премии им. Аполлона Григорьева, премии им. Ивана Бунина, «Большой книги» (2-е место)... Председатель жюри премии «Русский Буккер-2006».